

МОТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ВОПЛОЩАЮЩИЕ ТЕМУ СЕМЬИ В РАССКАЗАХ Л. УЛИЦКОЙ

В. А. Алексютина

MOTIVIC COMPLEXES EMBODYING THE THEME OF FAMILY IN L. ULITSKAYA'S STORIES

V. A. Aleksyutina

В современной культурной и литературной ситуации проблема восприятия семьи, семейных отношений, семейных ценностей приобретает чрезвычайную актуальность. Предлагаемая статья освещает проблему художественного воплощения образа семьи в малой прозе Л. Улицкой. Выделяются и анализируются комплекс образов и мотивов в рамках семейной проблематики; рассматривается своеобразие темы семьи в рассказах Л. Улицкой.

In today's cultural and literary situation, the problem of perception of the family, family relationships and family values becomes extremely relevant. The present paper highlights the problem of artistic expression of the image of the family in L. Ulitskaya's short stories. A set of images and motifs within a family perspective are identified and analysed, the theme of family identity in L. Ulitskaya's short stories is considered.

Ключевые слова: тема, мотив, образ, семья, современный литературный процесс, рассказ, Л. Е. Улицкая.

Keywords: theme, motive, image, family, modern literary process, story, L. E. Ulitskaya.

Тема семьи в отечественной женской прозе является одной из магистральных. Об этом пишут такие исследователи современного литературного процесса, как И. М. Попова, Е. В. Любезная, Г. А. Пушкарь, Т. А. Ровенская, И. Л. Савкина [8 – 10]. Известный петербургский исследователь русской литературы М. А. Черняк также полагает, что «мысль семейная» – основная тема женской прозы. В традиции русской классической литературы семья – нравственная основа человеческого быта и бытия. Семейная проблематика охватывает почти все произведения XIX века. Век XX – страшный и трагический – внес свои коррективы в восприятие этой темы [18]. Произведения писателей-женщин в отечественной литературе фиксируют кризисное состояние семьи в российском обществе, вместе с тем содержат в себе попытку осмысления института семьи, ее понимания, восприятия в сегодняшнем социуме. Так, в творчестве Л. Петрушевской, как полагают Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, выражена катастрофа современной семьи: «Драматическая ситуация у Петрушевской всегда обнажает искаженность человеческих отношений, особенно в семье или между мужчиной и женщиной» [5].

В прозе Л. Улицкой тема семьи является доминирующей. На это указывают многие исследователи ее творчества. О. В. Осьмухина пишет о том, что «центром художественного мира Улицкой является семья» [6]. «Природа её произведений такова, – полагает М. Золотоносов, – что всё в них постоянно колеблется между семейным (по образцу XIX века) и женским романом современной поп-культуры, в котором выражены «женские мечты» и даются перечни типовых обид и желаний» [2]. «Семейный» характер произведений автора отмечают такие литературоведы, как Н. Б. Иванова, И. Л. Савкина, Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, С. И. Тимина [3; 12; 5; 13]. Н. А. Егорова обращается к образу семьи, анализируя жанровую структуру романов «Медя и ее дети» и «Казус Кукоцкого». Л. Улицкая создает «синтетическое» жанровое образование, которое соединяет признаки жанров семейной хроники, семейной саги, жития, притчи [1]. В

диссертации О. В. Побивайло «Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой» имеется отдельный параграф «Мифология семьи», в котором исследователь рассматривает романы Л. Улицкой, применяя мифопоэтический анализ [7].

Однако специальная работа, посвященная теме семьи в творчестве писательницы, нами была найдена только одна. Это диссертационное исследование Э. В. Лариевой «Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой». Материалом для диссертации главным образом послужили произведения «больших» жанров (романы «Медя и ее дети», «Казус Кукоцкого», «Искренне Ваш Шурик»). Хотя исследователем и привлекаются в диссертации произведения малой прозы раннего и позднего периодов творчества писательницы – рассказы из сборников «Бедные родственники», «Девочки», «Первые и последние», «Люди нашего царя», – они выполняют роль иллюстративного, дополнительного материала по отношению к глубокой интерпретации романов. Э. В. Лариева анализирует особенности семейной проблематики в прозе Л. Улицкой и указывает формы и средства ее художественного воплощения. Автор диссертационного сочинения рассматривает систему устойчивых образов, выявляет типы «семейных» героев: герой-создатель, хранитель семьи, герой-праведник и герой-разрушитель, демонологический персонаж. Также исследователь обращается к рассмотрению семейного хронотопа, к его функциям и семантике [4].

Перечисленные работы содержат важные для нашего исследования методологические подходы к интерпретации прозы писателя. Нами будут рассмотрены комплексы мотивов и образов, раскрывающих семейную проблематику, не только через анализ структуры произведений (система персонажей, хронотоп), но и через выявление конструктивного и деконструктивного семантических комплексов. Концепция предлагаемой статьи основывается на рассмотрении темы семьи в качестве доминирующей аксиологической категории в произведениях Л. Улицкой.

Задача предлагаемой статьи – проследить, описать и охарактеризовать различные художественные средства воплощения темы семьи в рассказах Л. Улицкой. В процессе работы над проблематикой исследования нами был выделен ряд аксиологически значимых мотивов, идентифицирующих тему семьи, – мотив *детства*, интонирующими образами которого являются образ *ребенка, матери, отца*, а также мотив *любви*, воплощенный образами «*нелепого брака, настоящей семьи, жалости, ревности* и другими. Данные мотивные комплексы представлены двумя полемизирующими значениями: конструктивным и деструктивным. Обратимся к анализу конкретных рассказов.

Одним из магистральных в развитии семейной темы является мотив *любви*. В рассказах Л. Улицкой данный мотив развивается в нескольких сюжетных ситуациях. Одна из них – *нелепый брак*. Рассмотрим цикл «Тайна крови». Данный образ присутствует во всех рассказах цикла, кроме «Старшего сына», однако представлен в каждом из произведений по-разному. В «Установлении отцовства» женитьба полноватого, лысоватого Лени на красавице Инге воспринимается окружающими как «нелепый брак». Вскоре брак этот распадается. Но самопожертвование героя и его безмерная любовь к жене и неродным детям на протяжении всей жизни помогают воссоздать семью. В рассказе «Певчая Маша» представлена иная ситуация. На первый взгляд, «настоящая семья» Ивана да Марьи оказывается «нелепым браком», и лишь только с любящим художником Александром Маша обретает настоящее семейное счастье. Таким образом, в оппозиции к *нелепому браку* возникает ситуация *настоящей семьи*, построенной на любви. Она в полной мере представлена в рассказе «Старший сын»: «Они, мало сказать, любили друг друга – они друг другу нравились: даже когда она впадала в истерику, а с ней такое случалось, и рыдала, и швыряла предметы, – он смотрел на нее с умилением: как женственна... А он, пьяный, казался ей трогательным, страшно искренним и нуждающимся в ее опеке» [16].

В рассказе «Сын благодетельных родителей» один из героев рассуждает: «Брак – ответственное предприятие. Он не имеет никакого отношения к тому, что в молодости мы называем любовью. У меня был очень хороший брак с моей покойной женой именно потому, что был построен не на любви. Но к детям брак тоже не имеет отношения. Хотя у нас с женой был сын, ты знаешь... Он рано погиб, а мы с женой остались близкими друзьями, партнерами в большой игре, никогда не мешали друг другу и, напротив, всегда старались помогать. Ребенок не представляется мне необходимым условием брака, а тем более его предпосылкой» [16]. Герой рассказа, Андрей Иванович, рассуждает именно о браке. Поэтому относительно сюжетов малой прозы Л. Улицкой можно утверждать, что брак и семья – не слова-синонимы. Все события рассказов цикла полемизируют с представленными рассуждениями героя. *Настоящая семья* может быть построена только на любви, а ребенок скрепляет семейные отношения. При описании природы брака автор позволяет себе явную иронию: «Сексуальная революция уже шла к закату, и вторые браки оказы-

вались крепче первых, а третьи – совсем похожи на настоящие» [17] (рассказ «Дина»). Обращаясь к значению слов *брак* и *семья*, можно говорить о существенном различии этих двух понятий в художественном мире Л. Улицкой. *Брак* – взаимовыгодный союз двух людей, основанный не на взаимной любви, а, как считает герой рассказа «Голубчик», «на основании честного брачного договора: ты – мне, я – тебе» [15]. Здесь мы видим взаимовыгодные условия жизни двух людей в сложных обстоятельствах быта как горизонтали человеческого социального существования. Но *семья* подразумевает прежде всего духовную связь близких людей через осуществление любви и рождения ребенка как плода этой любви, которые можно оценить как вертикаль человеческих отношений, ценностное отношение к семье.

В прозе Л. Улицкой представлены разные типы любви. Любовь может быть идентифицирована сложным комплексом чувств. Они связываются не с телесным, а с духовным началом («Короткое замыкание», «Счастливые», «Коридорная система», «Искусство жить» и пр.). Конструктивным образом, интонирующим тип любви духовной, выступает жалость. Например, в рассказе «Установление отцовства» Лена говорит жене о своей возлюбленной: «Инга такая хрупкая, такая ранимая... Ей без меня никак не справиться. А ты человек крепкий, сильный, ты все выдержишь» [16]. Подобное понимание любви вписывается в ту линию русской литературы и философии, которая истолковывает ее как *caritas*, заботу, сострадание, милость, жалость [19]. Еще один тип любви, который предоставлен в малой прозе Л. Улицкой, – любовь телесная, любовь-страсть. Такую любовь можно обнаружить в рассказе «Установление отцовства»: «и как-то вдруг образовалась страшная тяга между ними. Нешуточное дело. И прорвало плотину с двух сторон, и понесло. С начальником происходило неведомое ему событие, под названием страстная любовь» [16]. Еще один вариант – любовь-привычка. Она описывается в рассказе «Искусство жить»: «Он был когда-то в нее сильно влюблен, потом долго любил, потом породнился, потом оравнодушно, отдалился, привык, позже обнаружил, что сросся с ней в какую-то общую неразделимую структуру» [17]. Именно на такой любви основываются крепкие семьи. Супруги становятся единым целым и, как следствие, даже умирают в один день, предчувствуя уход друг друга. Например, в рассказах «Они жили долго...» и «...Умерли в один день» [16].

Тема семьи в рассказах Л. Улицкой представлена не только в развитии *любви*, но и в образах и мотивах *детства*, которые наиболее полно воплотились в раскрытии ключевых моментов особенной роли ребенка в семье, его особого положения. В рассказах цикла «Тайна крови» с мотивом *детства* связаны три основных образа: *ребенок, мать, отец*. В первом рассказе цикла «Установление отцовства» на уровне авторского сознания заявлена проблема чужого/родного ребенка и настоящего/неродного отца, которые сопровождаются возникновением интонирующей ситуации – семейной тайны, тайны рождения. В рассказе «Старший сын» он достигает своего кульминационного развития и обрастает деструктивным состоя-

нием страха героя перед раскрытием тайны рождения ребенка. Произведение повествует о переживаниях отца по поводу обнаружения старшим сыном тайны собственного рождения, о страхе перед возможностью разрушения семейного счастья. Однако семья сохраняется, так как актуализируется семантический комплекс *настоящего отца*: для старшего сына, Дениса, отец – тот, кто его воспитал, кто сделал их семью счастливой: «Он попробовал вообразить их дом без отца, и его насквозь прожгло» [16]. Аналогично в первом рассказе цикла «Установление отцовства» трое детей, рожденные от разных мужчин, называют папой Леню, который их воспитал и который их искренне любит. Продолжая развитие полемизирующих мотивов, в рассказе «Певчая Маша» автор иллюстрирует заявленную ситуацию с другой стороны. Родной отец (по крови) бросает жену и детей, отказываясь от них, и обвиняя жену в измене. В финале также появляется мужчина, который становится настоящим отцом для детей героини и любящим мужем для нее самой. Резюмируя образы, заявленные в трех первых рассказах цикла, заключительное произведение, «Сын благородных родителей», по-иному раскрывает проблему отцовства. Несмотря на то, что Миша считает Григория Наумовича своим отцом, родной отец, Андрей Иванович, его не бросает, опекая всю жизнь. Таким образом, в цикле рассказов «Тайна крови» центральным становится образ *настоящего отца*. В первом абзаце произведения «Установление отцовства» автор иронично рассказывает о генетике, о том, как наука помогает установить отцовство. Приводя примеры четырех разных семей, в каждой из которых присутствует тайна рождения ребенка, автор ставит свой неопровержимый диагноз – наука бессильна в человеческих отношениях, настоящее родственные отношения определяются не тайной крови, а любовью и привязанностью. Семантический комплекс *настоящего отца* обуславливается такими качествами, как забота, любовь, жалость; это тот, кто сопровождает ребенка по жизни, а не просто дает право на существование.

Обратимся к рассмотрению следующего конструктивного образа, воплощающего мотив детства, – образу *ребенка*. В рассказах Л. Улицкой он зачастую выполняет функцию скрепляющего звена в семейных отношениях родителей (речь идет только о *настоящих семьях*, построенных на любви). Особо актуальным становится образ позднего ребенка, воспринимаемого как дар свыше: «Их последняя, Малышка, придавала новый оттенок счастливой жизни: она была сверхплановая, совершенно подарочная девочка, беленький ангел, избалованный до нечеловеческого состояния» (рассказ «Старший сын») [16].

В рассказах «Короткое замыкание» и «Дочь Бухары» возникает деконструктивный образ *больного ребенка*, который выступает в качестве испытания, данного супругам. Крепкие семьи, построенные на любви, еще более сплачиваются: «Родители приняли удар судьбы и сплотились намертво. Не расцепить. Мертвой хваткой держали девочку на этом свете. Она умирала, а они вытягивали» (рассказ «Короткое замыкание») [16]. В других же – отцы бросают жен с боль-

ным ребенком, как, например, в рассказе «Дочь Бухары». В таком произведении актуализируется образ матери. Любовь матери к ребенку абсолютна. Мать и ребенок выступают как единое целое. Подтверждением этому служит и поэтика заглавий рассказов – «Дочь Бухары», «Писательская дочь», – наиболее полно выявляющая принадлежность ребенка матери.

В подобных произведениях появляется еще одна деконструктивная коллизия – *безотцовщины*. Она в малой прозе Л. Улицкой характеризуется цикличностью: «Как это часто бывает, семейная традиция безотцовщины в каждом следующем поколении усиливается» (рассказ «Пиковая дама») [15]. Оставшись однажды без главы семьи, женщина принимает эту роль на себя. Дети, воспитанные в неполной семье, воспринимают данную ситуацию как нормальную, а вот поколение в доме мужчины зачастую оценивается в категории *не-нормы*: «Мужчина – это прекрасно, но зачем это держать дома» (рассказ «Сквозная линия») [17]. Именно в разложении, распаде автор видит катастрофу современной семьи. Все чаще ее состав сводится к паре: мать – ребенок. Генетически семья должна быть организована по мужской/ патриархальной модели, позволяющей ей как явлению существовать в реальном мире. Мужчине изначально присущи традиционные семейные функции главы семьи (рода); защитника; добытчика/ кормильца. В такой традиционной модели семьи женщине доставалась роль ведомого партнера. В современной семейной модели произошел ряд трансформаций, которые нашли отражение в творчестве Л. Улицкой.

Особенность семейной тематики была нами выявлена через сопоставление ряда мотивов и образов как конструктивного, так и деконструктивного типов. Образ ребенка, несущий конструктивную семантику, безусловно, является доминантой в ряду представленных образов, интонирующих мотив детства, – ребенок скрепляет семейные отношения. Что касается образов родителей, то, как мы смогли убедиться, в рассказах Л. Улицкой семантический комплекс *настоящего отца* не идентичен понятию родного (по крови) родителя. Настоящий отец – это тот, кто воспитал ребенка, кто о нем заботится всю жизнь; при этом наличие в семье отца все чаще становится необязательным – в таких произведениях актуализируется деконструктивная коллизия *безотцовщины*. Образ же матери в малой прозе Л. Улицкой представлен исключительно в рамках конструктивного типа. Мать и ребенок выступают единым целым. В современной семье женское начало довлеет над мужским, что является, по мнению автора, отражением дисгармонии действительности, одним из проявлений хаотичности современной художественной картины мира. Отражение катастрофического состояния мира в многообразии его форм стало главной приметой современного литературного процесса. Тем важнее оказывается поиск универсальных нравственных опор в жизни человека. Именно семья в художественном мире Л. Улицкой приобретает значение доминирующей аксиологической категории.

Литература

1. Егорова, Н. А. Проза Л. Улицкой 1980 – 2000-х годов: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Егорова. – Астрахань, 2007. – 22 с.
2. Золотоносов, М. Мужчина ее мечты / М. Золотоносов // Московские новости. – 2004. – 13 февраля. – С. 7.
3. Иванова, Н. Б. Современная русская литература: метасюжет и его восприятие: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Б. Иванова. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2006.
4. Лариева, Э. В. Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Лариева. – Петрозаводск, 2009.
5. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М., 2001. – Кн. 3.
6. Осьмухина, О. В. В поисках утраченной толерантности: Людмила Улицкая / О. В. Осьмухина // Вопросы литературы. – 2011. – № 1. – С. 144 – 158.
7. Побивайло, О. В. Мифопоэтика прозы Л. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Побивайло. – Барнаул, 2009.
8. Попова, И. М. Феномен современной женской прозы / И. М. Попова, Е. В. Любезная. – Режим доступа: http://vestnik.tstu.ru/rus/t_14/pdf/14_4_025.pdf
9. Пушкарь, Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Пушкарь. – Ставрополь, 2007.
10. Ровенская, Т. А. Женская проза конца 1980-х – начала 1990-х годов: проблематика, ментальность, идентификация: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Ровенская. – М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001.
11. Савкина, И. Говори, Мария (Заметки о современной женской прозе) / И. Савкина. – Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina1r.html
12. Савкина, И. Род/дом: семейные хроники Л. Улицкой и В. Аксенова / И. Савкина // Семейные узы: модели для сборки: сб. ст. – Кн. 1; ред. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
13. Тимина, С. И. Ритмы вечности (Роман Л. Улицкой «Медя и ее дети») / С. Тимина // Русская литература XX века в зеркале критики: хрестоматия; сост. С. И. Тимина, М. А. Черняк. – СПб.: Академия, 2003.
14. Улицкая, Л. Е. Бедные родственники / Л. Е. Улицкая. – М.: Эксмо, 2003.
15. Улицкая, Л. Е. Первые и последние / Л. Е. Улицкая. – М.: Эксмо, 2011.
16. Улицкая, Л. Е. Рассказы / Л. Е. Улицкая. – Режим доступа: <http://lib.misto.kiev.ua/proza/ulickaya/-peoples.txt>
17. Улицкая, Л. Е. Сквозная линия / Л. Е. Улицкая. – М.: Эксмо, 2011.
18. Черняк, М. А. Современная русская литература / М. А. Черняк. – СПб.; М., 2004.
19. Шестаков, В. П. Эсхатология и утопия: (очерки русской философии и культуры) / В. П. Шестаков. – М., 1995. – С. 73.

Информация об авторе:

Алексютина Валерия Александровна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, 8-950-575-86-57, zemlyanuhina@mail.ru.

Valeria A. Aleksyutina – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2013 г.